

В.П. КОХАНОВСКИЙ (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

*Ж. М. Абдильдин. Диалектика Канта.
– Алма-Ата, 1974.*

О Канте и его учении написано немало как в нашей стране, так и за рубежом. Только за последнее время у нас появились такие интересные и содержательные исследования, как книга В.Ф. Асмуса «Иммануил Кант» (М., 1973) и В.И. Шинкарука «Теория познания, логика и диалектика И. Канта» (Киев, 1974), а также коллективная работа «Философия Канта и современность» (М., 1974, под ред. Т.И. Ойзермана). Однако в нашей кантоведческой литературе все же недостаточное, на наш взгляд, внимание уделяется главному богатству кантовской философии – его диалектике. Последняя зачастую просто «топится» в длинной веренице рассуждений о недостатках и пороках учения Канта вообще и его диалектики в частности.

Вот почему, оценивая рецензируемую книгу, следует прежде всего указать, что характерной ее особенностью является то обстоятельство, что автор отыскивает и детально, скрупулезно исследует прежде всего продуктивные диалектические идеи Канта, не проходя, конечно, мимо его недостатков. Как пишет Ж.М. Абдильдин во «Введении», – он «стремился проанализировать те положения кантовской философии, в которых заключены элементы диалектики и которые впоследствии, будучи критически осмысленными и творчески переработанными, несомненно, сыграли позитивную роль в становлении диалектической логики» (с. 4).

Это очень правильный, плодотворный подход, ибо только при таком подходе можно выявить не только

историческое, но и, что важнее всего, актуальное значение кантовской диалектики и показать, какую большую роль она сыграла в разработке материалистической диалектики как логики и теории познания.

Рецензируемая книга состоит из «Введения» и двух глав. В первой главе «Проблема обоснования научного знания и диалектика» наибольшее внимание автора привлекают три проблемы: 1) реформа логики Кантом и обоснование им синтетического знания; 2) трансцендентальный анализ категорий; 3) кантовская идея активности познающего субъекта.

Рассматривая первый из этих вопросов, Ж.М. Абдильдин показывает, как Кант, несмотря на психологизм, субъективизм, непонимание роли практики в познании и другие недостатки, пытается преодолеть односторонность как рационализма, так и эмпиризма. Хотя Канту и не удалось раскрыть подлинную диалектику чувственности и рассудка, однако уже само стремление привести в связь эти два момента познания является важным достижением. Автор подчеркивает в связи с этим большую заслугу Канта в том, что он глубоко осознал, что для доказательства возможности синтетического априорного знания необходимо единство противоположностей. «Таким образом, Кант решительно отказался от старого типа мышления, старой логики и доказал необходимость новой логики для обоснования синтетического знания» (с. 37).

Старая логика – это, по Канту, общая логика, традиционная логика, которая вследствие своей формальности не исследует содержание познания, а потому имеет ограниченные рамки своего применения и не может служить надежным, а тем более универсальным инструментом научно-теоретического знания. Новая логика – это у Канта трансцендентальная, содержательная логика, наука о всеобщих условиях научно-теоретического познания.

Иными словами, трансцендентальная логика — это, по выражению В.Ф. Асмуса, «абрис» (именно абрис, контур, зачаток и т. п. — и не больше) диалектической логики как логики разума, диалектического мышления.

В этой связи невозможно не сказать о том, что если уже Кант почти 200 лет назад достаточно четко понимал и вполне убедительно доказывал ограниченность, недостаточность формальной логики для теоретического познания, то вызывает недоумение, что в наши дни еще находятся философы, которые, как пишет Ж.М. Абдильдин, «под «современной» логикой научного познания понимают только формальную и математическую логику, а диалектическая логика, система категорий и всеобщие законы мышления, по их мнению, якобы не являются логикой в собственном смысле этого слова» (с. 6). Такое представление не чем иным, как незнанием (или нежеланием знания) истории науки вообще и истории философии в частности объяснить, на наш взгляд, нельзя.

Главным содержанием трансцендентальной логики является, по Канту, исследование логических категорий, ибо именно благодаря им теоретическое знание приобретает свою всеобщность и необходимость. Говоря об этой стороне кантовского учения, Ж. М. Абдильдин справедливо подчеркивает, прежде всего, то обстоятельство, что «если до Канта категории в основном рассматривались в плане онтологии, как общие связи мира, то в кантовской философии оттенен новый аспект — категории рассмотрены как принципы, всеобщие условия формирования научно-теоретического знания (с. 47), необходимые универсальные формы мышления. Это очень важное достижение Канта, несмотря на его априоризм и формализм в этом вопросе. И опять-таки непонятно, почему сегодня еще довольно широко распространено представление о том, что существуют всего (!) три формы мышления — понятие,

суждение и умозаключение? (В лучшем случае сюда относят еще гипотезу и теорию.)

Указывая на то, что кантовская дедукция категорий – действительно крупное завоевание философской мысли, автор рецензируемой книги выражает свое несогласие с теми исследователями, которые пытаются доказать, что Кант в анализе категорий сделал шаг назад по сравнению с Аристотелем. Подобные утверждения, верно замечает Ж.М. Абдильдин, ничего общего не имеют с истиной, ибо их авторы «концентрируют внимание только на одном аспекте его учения – на кантовском идеализме и агностицизме и, к сожалению, при этом забывают продуктивные идеи Канта относительно универсальных форм мышления» (с. 47). Между тем главное состоит все же в том, чтобы выявить именно позитивные диалектические идеи по этому вопросу, которые были углублены и развиты дальнейшим ходом философской мысли.

К числу таких идей автор относит в первую очередь попытку Канта найти предметную область (первоначальное целое) для обоснования категорий и подчеркивание значения единого принципа в обосновании дедукции логических категорий. Несомненной заслугой Канта является также то, что при классификации категорий он ввел принцип троичности, что было шагом вперед по сравнению с Аристотелем, который просто перечислил категории. Существенное значение, как отмечает Ж.М. Абдильдин, для нас имеет и то, что Кант рассматривал категории не как нечто абстрактно-общее, а как конкретное всеобщее, что дает возможность формировать чувственное многообразие в научно-теоретическое знание. В кантовских таблицах категорий обнаруживаются также первичные идеи единства противоположностей. Плодотворна идея Канта о связи понятий и суждений; эта идея, по мнению автора, хотя и в зачаточном виде, выражает представление

о связи и зависимости форм мышления друг от друга. Весьма важным рациональным моментом кантовской философии является также идея системности категорий, анализ содержания самого понятия системы. Этот анализ имел существенное значение в подготовке всестороннего диалектического понимания проблемы и, в частности, для разработки принципа восхождения от абстрактного к конкретному, некоторые первоначальные элементы которого можно найти у Канта.

В связи с этим Ж.М. Абдильдин отмечает, что тщательный анализ идей Канта о системности представляет несомненный интерес потому, что вопрос «о системе, системном подходе и в настоящее время актуален. Его обычно выдвигают параллельно с диалектикой (а иногда и вместо диалектики. – В. К.), с диалектико-материалистическим пониманием системы и выдают как нечто новое по сравнению с диалектикой» (с. 67). Между тем, по справедливому замечанию автора, внимательное рассмотрение этого метода показывает, что его идейное содержание по существу не идет дальше тех постановочных суждений, какие сформулированы Кантом в «Критике чистого разума» и Фихте в «Наукоучении».

Детальный анализ названных выше рациональных идей учения Канта о категориях и их роли в познании сопровождается в рецензируемой книге критикой основных пороков этого учения, какими являются идеализм, априоризм, непонимание практики как действительного источника категорий, отсутствие историзма в их выведении, схематизм и формализм, психологизм и трактовка категорий как лишь «пособий субъекта» и др.

Говоря об идее активности познающего субъекта, Ж.М. Абдильдин не без основания отмечает, что эта идея в какой-то мере определяет особенность кантовской диалектики и пронизывает диалектику всей немецкой

классической философии, ибо именно начиная с Канта диалектика выступала как диалектика деятельности, как диалектика творчества. Автор прежде всего выделяет кантовскую идею категориальной активности, т. е. ту его мысль, что «весь мир наших созерцаний закономерно формируется силой воображения по нормам категорий» (с. 71). Вместе с тем здесь же указывается, что вследствие своего субъективного идеализма и априоризма Кант не смог соединить принцип активности сознания, категорий с их объективностью, с их отражательной способностью.

В этом разделе книги автор обстоятельно исследует одну из самых трудных сторон философии Канта – учение о первоначальном единстве апперцепции. Несомненной заслугой Ж.М. Абдильдина является тот факт, что он даже в этом, пожалуй самом «темном» из всех кантовских учений, находит весьма ценные рациональные моменты – о связи, о единстве многообразного, о единстве объекта и субъекта и об отличии объекта от простого бытия и другие, нашедшие затем развернутую разработку в философии марксизма.

Вторая глава «Диалектика как логика разума» посвящена в основном исследованию важнейшей и, может быть, наиболее ценной части кантовской философии – учению о противоречии. Нельзя не согласиться с положением автора о том, что в разработке Кантом проблем диалектики «главным достижением философа является то, что он ввел принцип противоречия в мышление, в теоретическое знание и как следствие – в определенной степени поставил под сомнение представление о всеобщности формально-логических законов» (с. 93). Отметив, что идея противоречия пронизывает все творчество Канта, Ж.М. Абдильдин прослеживает, как «выглядит» эта идея сначала в докритических, а потом в критических работах Канта, но главным образом, естественно, в «Критике чистого разума». Анализируя это произведение, автор в свою очередь

показывает, как решает Кант проблему противоречия в разных его разделах – в учении о первоначальном единстве апперцепции (начиная с которого диалектика рассматривается уже преимущественно как внутренний ритм человеческой деятельности), в учении об амфиболии рефлексивных понятий (в котором Кант уже существенно ограничил сферу действия законов общей, т. е. формальной логики) и, конечно, в учении об антиномиях чистого разума.

Не проходя мимо коренных пороков и существенных недостатков этого учения, Ж.М. Абдильдин, однако, старается выявить по возможности все плодотворные мысли Канта по проблеме противоречия и показать их непреходящее значение для философии наших дней, для современного этапа разработки теории материалистической диалектики. И это ему в значительной степени удается.

Вопреки тем, кто пытался и пытается сегодня принизить значение кантовского учения об антиномиях, автор правильно указывает, что, несмотря на все недостатки, это учение является великим завоеванием философии. И хотя задолго до Канта, отмечает он, конечно, высказывалась идея о неизбежности противоречия в теоретическом познании, именно в антиномиях чистого разума ярче всего проявилась мысль о недостаточности формально-логических принципов в целостном познании. Именно после Канта стало особенно ясно, что «сколько бы формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из этого ничего не выходило: изгнанное в одном месте, оно еще яснее и в большей степени проявлялось в другом» (с. 123). И вот после того, как это положение было убедительно доказано классиками марксизма (особенно в «Капитале» Маркса) и подтверждено всем ходом развития науки, имеются еще философы (в том числе, к сожалению, и марксистские), которые утверждают, что формальная логика и есть единственная логика научного

исследования, что противоречия – это недостаток, порок, что если противоречия появляются в мышлении, то это признак слабости последнего, что противоречия в теории, отражающие реальные противоречия, надо устранять путем уточнения терминов, что наука есть сумма точных, непротиворечивых знаний и т. д., и т. п.

Эти рассуждения ничего общего не имеют с диалектикой и по своему теоретическому уровню находятся далеко позади Канта, который, как верно указывает автор рецензируемой книги, «обосновал необходимость противоречия в мысли, в отличие от рассудочной логики, которая видела в противоречии лишь произвол субъекта» (с. 126).

Ж.М. Абдильдин выделяет в этой связи резкую критику Кантом догматизма, который, игнорируя противоречия, борьбу противоположных мнений в науке, является поэтому тормозом в развитии последней. Догматическое обучение, по Канту, не приучает людей критически мыслить, преодолевать теоретические доводы своих идейных противников, не показывает, как надо опровергать эти доводы, как вскрывать ошибки своих оппонентов и отражать их неверные аргументы и софизмы. Эти мысли чрезвычайно актуальны и в наши дни, когда нам приходится вести интенсивную борьбу против буржуазной и ревизионистской идеологии.

Рассмотрение плодотворных идей Канта по проблеме противоречия сопровождается в рецензируемой книге выявлением и критикой коренных недостатков в разработке им этой проблемы, обусловленных его идеализмом и агностицизмом. Такими недостатками, с точки зрения автора, являются: отсутствие связи принципа противоречия с принципом развития; непонимание единства противоположностей как всеобщего условия существования развивающегося целого; незнание ведущей роли отрицательного в развитии; неразработанность проблемы

разрешения противоречия: непонимание всеобщего характера противоречий (ибо у Канта всего 4 антиномии); отсутствие связи антиномических положений в едином, конкретном понятии; непонимание противоречивости разума как причины самодвижения в познании; непонимание продуктивного, творческого значения антиномий, ибо Кант считал их иллюзией, видимостью противоречия; дуализм в попытке обойти, устранить формальным способом открытую им же самим диалектическую сущность антиномий и другие.

Вследствие наличия этих существенных пороков в конечном итоге «исследование Кантом проблемы противоречия приводит к полному устранению действительного противоречия, к реставрации метафизики, канонизации формально-логического запрета противоречия» (с. 144). Поэтому, замечает автор, в истории диалектики тенденция к устранению противоречия путем интерпретации его как противоречия в разных отношениях связана прежде всего с именем Канта. В заключительном разделе второй главы Ж.М. Абдильдин показывает, как К. Маркс и В.И. Ленин преодолевали это и все другие заблуждения Канта как по проблеме противоречия, так и по другим проблемам, используя в то же время все его пло-дотворные, рациональные мысли для разработки подлинно универсальной методологии, действительно современной логики научно-теоретического мышления, какой является именно материалистическая диалектика, понимаемая как логика и теория познания марксизма.

В книге Ж.М. Абдильдина имеются некоторые недостатки и неточности. Так, сконцентрировав свое главное внимание на «Критике чистого разума» (и это верно, ибо именно здесь сосредоточены основные достижения Канта по диалектике), автор не в полной мере показывает те рациональные диалектические идеи, которые содержатся в других произведениях «критического» Канта. Можно было бы более подробно проанализировать в этом плане

Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина

также его «докритические» работы. Хотелось бы видеть более развернутую критику по рассматриваемым вопросам представителей буржуазной философии.

Нет также критики имеющихся в нашей философской литературе неверных представлений о тех или иных сторонах учения Канта и о диалектической логике вообще.

Однако, несмотря на эти недостатки, книга Ж.М. Абдильдина представляет собой глубокое, содержательное исследование и является существенным вкладом как в разработку истории философии, так и в теорию материалистической диалектики.